

Белова А.Д.

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

The article highlights major principles of analysis of language pictures of the world within cognitive-discursive paradigm, the importance of interdisciplinary approach.

Современная лингвистика определяет свою нынешнюю парадигму как когнитивно-дискурсивную, что является признанием доминирующими двух направлений исследований - когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа. В таком определении парадигмы внимание фокусируется на двух основных и давних проблемах языкознания: 1) язык и мышление/ сознание/ знание – в широком понимании предмет когнитивистики и 2) язык как средство/ инструмент коммуникации в социо-культурном континууме, что составляет предмет исследований в современном дискурсивном анализе.

Одним из главенствующих принципов в каждом из этих направлений стал антропоцентризм, поскольку проблемы категоризации, фиксации, хранения, передачи знаний осуществляются *человеком*. Постановка человека в центр научных исследований – так называемый *антропофактор* - вызвал повышенный интерес к целому ряду лингвистических проблем, известных ранее как человеческий фактор в языке, а именно, языковая личность, адресантно-адресатная конфигурация коммуникативной ситуации, языковые картины мира (ЯКМ).

Изучение ЯКМ предполагает, прежде всего, анализ номинативной деятельности человека, и, соответственно, единиц лексического уровня языка. Это в большей мере сфера когнитивных исследований. Однако некоторые концепты, входящие в состав ЯКМ, выходят в своем вербальном выражении за рамки слов, идиом, словосочетаний и соответствуют фразам, предложениям, текстам и обнаруживаются уже в процессе функционирования языка, то есть в дискурсе. Потому когнитивные и дискурсивные исследования в плане изучения ЯКМ дополняют друг друга.

Несмотря на популярность ЯКМ как объекта исследования и неоднократные попытки дать определение этому образованию, вряд ли какое-либо из определений можно считать всеобъемлющим и окончательным. Одна из причин заключается во множестве подходов к ЯКМ (философский, когнитивный, культурологический, лингвистический), и, соответственно, в акцентах, которые расставляются в этих определениях. Во-вторых, на сегодняшний день нет единства мнений относительно понятий, которые применительно к ЯКМ являются основополагающими (концепт, фрейм, прототип).

ЯКМ нередко сравнивают с зеркалом, в котором отражается реальный мир. Однако разработка проблемы постепенно наводит ученых на мысль о том, что ЯКМ скорее напоминают не зеркало, а автопортрет, который создает художник, глядя в зеркало [Кубрякова 1997, 77]. Понимание ЯКМ не как зеркального отражения мира, а как картины вновь фокусирует внимание на антропофакторе – *человек*, воспринимая объективный мир, *интерпретирует* его субъективно. Тем самым подчеркивается не пассивная, а активная роль человека в создании ЯКМ. Иногда ЯКМ сравнивают с сеткою, которая накладывается на наше восприятие, оценку ситуаций и событий. Более абстрактно ЯКМ можно определить как особое образование, которое возникает не только на основе опыта (индивидуального и коллективного), но и на основе самих единиц номинации, а также особенностей их функционирования [Кубрякова 1997, 49].

ЯКМ являются устойчивыми образованиями, не лишены вместе с тем и определенного динамизма. Одним из факторов, способных изменить их существенным образом в новом веке, могут стать глобализация и универсализация, сопровождающиеся технологизацией коммуникативного пространства. Эти процессы совпали, а отчасти стали причиной изменений языковой ситуации в мировом масштабе. Изменения такого рода в истории нашей цивилизации немногочисленны и называются коммуникативными скачками (communicative shifts) [Кабакчи 1998, 11], семиотическими революциями [Лотман 2000, 636]. Они сопровождаются коренными переменами в статусе, престиже языка, его роли в обществе, а также глубокими изменениями в природе референции и прагматике речи [Лотман 2000, 637]. Подобно всем предшествовавшим семиотическим революциям данная была вызвана научно-техническим переворотом, а именно, созданием компьютера, превратившегося в коммуникативную технику. Общество на современном этапе его развития можно считать информационным – это «технотелемедиум» [Скворцов 2001, 83]. Человека, живущего в таком обществе, философы характеризуют как «компьютерного человека». Он вторичен интеллектуально и духовно, поскольку видит мир через компьютерные и телекоммуникационные прокладки, т.е. сквозь призму, созданную другими людьми [Скворцов 2001, 22]. Большая информационная насыщенность жизни ведет к так называемой информационной усталости и прагматичному подходу к отбору информации [Стернин 2000, 6]. С другой стороны, технологизация коммуникации, результатом которой является повышение информированности среднестатистического человека, приводит, как ни парадоксально, к снижению языковой и коммуникативной компетенции в век *логократии* [Стернин 2000, 8; Сухих 2000, 17]. Подобные факты описываются в философии и семиотике как явления инверсионного характера [см.: Серов, Портнов 1995, 97].

Уникальность нынешнего коммуникативного скачка заключается в глобальном билингвизме “родной язык + английский язык” [Кабакчи 1998, 14]. Сегодня вряд ли возможно приблизительно представить последствия этой беспрецедентной ситуации - глобализации коммуникативного пространства с помощью английского языка. Если использовать модель лингвокультурологического континуума, которую в 1983г.

предложил Жан-Клод Корбейль, то нынешний статус английского языка можно описать как супрале́кт – код, соответствующий культуре объединенного сообщества. Объединяющими в данной ситуации являются не исторические, экономические, политические или этнические факторы, а компьютер и английский язык. О положительной роли английского языка, о моде на английский язык, которая, кажется, достигла своего апогея в наши дни, и является своеобразным проявлением «языкового вкуса эпохи» [Костомаров 1999, 128], написано чрезвычайно много. Негативное влияние английского языка не сводится только лишь к активному заимствованию английских слов другими языками. Английский язык и англоязычная культура могут оказать существенное влияние на менталитет представителей многих этнических групп за счет доминирующего положения английского языка в средствах массовой информации, электронных средствах связи и, в первую очередь, интернет.

Процессы глобализации оказывают непосредственное влияние на концептосферу этноса или этносферу. Поэтому при изучении ЯКМ, которые являются результатом ментальных репрезентаций в конкретных языках, следует учитывать не только антропоцентризм, но и его обобщенное проявление – этноцентризм (язык понимается как творение народа, передаваемое от поколения к поколению), а также ментализм (информация о мире в самых разных ракурсах) [см.: Селиванова 2000, 38-39]. «Этносфера предполагает результат взаимодействия мозаичной антропосферы, постоянно меняющейся в историческом времени и взаимодействующей с ландшафтами земли» [Гумилев 2001, 39]. Этнос представляет собой динамическую систему. Вследствие изменений в этническом континууме меняется этносфера и, соответственно, картина мира. Более того, учитывая радикальные изменения, которые человек вносит в окружающий его мир, правильнее было бы сегодня говорить уже не о картине мира, а о картине жизни [Скворцов 2001, 130].

Глубокое изучение этносферы возможно лишь при взаимодействии многих дисциплин. Одна из них – этнология – оформилась как дисциплина лишь во второй половине XX века в связи со стремительным расширением межкультурной коммуникации. Для более ранних периодов она была неактуальна, так как общение европейцев с другими культурами ограничивалось бассейном Средиземного моря [Гумилев 2001, 21]. В последние годы на самостоятельность в качестве научной дисциплины стала претендовать теория межкультурной коммуникации, которая изучает проекцию этносферы на коммуникацию.

Один из главных вопросов этнологии – типичные признаки этноса. «Вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» – ответит: “русский”, “француз”, “перс” и т. д., не задумавшись не на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее», – писал в свое время Л.Н. Гумилев [Гумилев 2001, 18]. Сегодня, когда существует так много смешанных браков, когда столь масштабны миграционные процессы, некоторые люди, отвечая на этот вопрос, задумаются... и не смогут дать однозначный ответ. «Объединиться в этнос нельзя, так как принадлежность к тому или иному этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической диагностики лежит *ощущение*. Человек принадлежит своему этносу с младенчества» [Гумилев 2001, 46]. В связи с этим возникает вопрос – какова же роль языка в формировании этноса, его этносферы? В истории множество примеров того, что в пределах одной народности люди говорили на разных языках, но ее целостность от этого не нарушалась. С другой стороны, народности, говорящие на одном языке, не сливались. Следовательно, дело не в языке [Гумилев 2001, 49]. Вместе с тем, язык, «не будучи обязательным признаком этноса», играет исключительно важную роль в передаче знаний новым поколениям, в передаче этнического стереотипа поведения, что в целом называется «трансляцией ментальности» [Телия 1999, 14]. Современные когнитивные и междисциплинарные исследования также подтвердили исключительную значимость языка для всех процессов обработки и передачи знаний от одного поколения к другому [Кубрякова 1997, 19]. Интересно, что и сам Л.Н. Гумилев, не считая язык обязательным признаком этноса, представил фазы этногенеза через доминирующие стереотипы не описательным образом, а в виде языковых формул. Следует отметить, что в теории ЯКМ более популярны иные взгляды на язык, прежде всего, мысли В.фон Гумбольдта об исключительной роли языка в универсальном и национально-специфическом видении мира.

Этносфера/ концептосфера этноса соответствуют концептуальной картине мира, противопоставляемой ЯКМ. Если ЯКМ вербализуются с помощью естественных языков, то концептуальные картины мира существуют в виде языка мысли (*mentalese, lingua mentalis*) в значительной мере благодаря общечеловеческой способности к концептуализации (*conceptualising capacity - Lakoff*). Признание концептуальной картины мира наряду с ЯКМ позволяет изучить особенности категоризации мира и концептуализации знаний, а также учесть факторы как объективного порядка (ландшафт, климат, история), так и субъективного (причины, мотивы, интенции). Изучить концептуальную картину мира, однако, можно только через язык. Поэтому неудивительно, что интерес к языку возрос во многих дисциплинах. Если в предыдущие века на роль главного объекта философии претендовало сознание, то теперь это язык [Автономова 2000, 8]. «Проблема языка, как бы ее не понимали, никогда не была такой, какой как все. Но сегодня она как никогда заполнила собой весь горизонт различных исследований и самых разнородных вещей» [Деррида 2000, 119].

Иногда мировидение этноса, картина мира связываются с восприятием жизни, а именно, с состоянием души. Душа в данном случае выходит за рамки ее религиозного толкования. Состояние души, склад души представляются как национальный лик. Еще Гегель заметил, что помимо колебания звучащего тела, человеческое ухо воспринимает еще и “душу”, точнее первичную идеальность самой воспринимающей души [см.: Автономова 2000, 33]. Безусловно, для одних народов само понятие души важнее, чем для других. В

свое время А.Вежибicka определила русский менталитет через слова *душа, тоска, судьба* и *авось* [Wierzbicka 1992]. Основным в этом списке, по всей вероятности, следует признать слово *душа*. Дело не только в том, что оно вызывает множество ассоциаций и интерпретаций [см.: Михеев 1999, Тильман 1999] как в русской литературе, так и в русской разговорной речи, например: *Этот скромный дом был срачен с душой, ее не покоряя. В нем [храме] душа дышала красотой* (Булгаков 1992, 366-367). *Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы* (Ю.В. Готье см.: Кожин 2001, 173-174). Дело в том, что поиск национальной, русской идеи осуществлялся и осуществляется именно через описание русской души [см.: Русская идея 1992]. *Русская идея - идея сердца* [Ильин 1992, 436]. Интересно и то, что описание менталитета других этносов в русской философии осуществляется сквозь мировидение русского народа (см. также: *Иностранец, голландец он, душа коротка, у них арифметика вместо души – то* (А.Н. Островский «Бесприданница») *Этносы не как змеи: они меняют не кожи, а души* (Л.Н. Гумилев). *Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой* (И.А.Ильин). Иными словами, писатели и философы искали души и у других народов. Так, известный русский мыслитель Н. Бердяев тонко описал особенности менталитета и стереотипы поведения поляков, русских, немцев, французов, исходя именно из русского концепта «Душа» («Души народов») [Бердяев 1992]. Более того, он перенес это понятие и на город, описав магнетизм Парижа («талантливый, остроумный, свободный и дерзающий ... последнее истончение культуры») как его душу [Бердяев 1992, 155-156]. Указывает Н.Бердяев и на случаи противостояния и неприятия родственных душ (поляки и русские) [Бердяев 1992, 160, 173]. Отмечены им и разные степени этнической, точнее, «душевной» совместимости. Немцы, например, презирают русский хаос, а русские ненавидят вечный немецкий порядок. К этому выводу пришли и другие русские: *«Это наша психология – противоположность психологии германского народа с его доктриной “Deutschland uber alles” и культом силы и торжества; ceteris paribus при столкновении этих двух народов русский должен быть побежден... Русскому всегда кого-нибудь жалко. Это эгоизм наизнанку* [Ю.В. Готье см. Кожин 2001, 173-174]. *Что «немцу здорово», то русского может погубить...* [Ильин 1993, 112]. *Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет, прежде всего, сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом* [Ильин 1993, 132].

Если понятие души можно считать наиболее разработанной темой и в философском, и в лингвистическом плане, то другие краеугольные понятия русской культуры [см.: Белова 2001, 19] ждут своего описания. Более того, их перечень пока не составлен. Среди неисследованных понятий *выносливость, терпение, грусть*: *О русском народе надо сказать словами Тютчева: «невыносимое он днесь выносит»... И справляется он с этим потому, что идет по своим исконным путям.... Эти средства, эти пути суть: молитва, терпение, юмор и пенie. Все вместе они создавали и сообщали ему ту особенную русскую выносливость...* [Ильин 1993, 230-231]. *Жить по несколько месяцев похороненными в этом холодном однообразном безмолвии, должно быть, невыносимо. Наверное, в этом причина той грусти, которая тонкой нитью вплетена в основу русского характера и проявляется в русской музыке и живописи* [Мартин 1998, 127].

За перечисленными выше понятиями в лингвистике в последнее время закрепилось название «**концепт**». Поиск концептов оказался столь популярным, что в рамках семиотики даже намечилось новое направление исследований - концептология или семиотика концептов [Степанов 2001, 40, 603]. Фактически, концепты возникли очень давно и существовали на всем протяжении истории человечества. Действительно, любой предмет материальной или духовной культуры развивается в соответствии с определенным концептом, будь-то стол, ложка, ручка, топор и т.д. По определению Тайлора, который одним из первых обратил на это внимание, так называемые эволюционные ряды образуют цепи, соединяемые звеньями, что в целом и создает «парадигмы» или «стили» данной эпохи [Степанов 2001; 604-605]. Ряды, по всей вероятности, и состоят из концептов. Совокупность рядов, состоящих из концептов и соединенных между собой звеньями, дает сетку, с которой сравнивают картины мира. Внутри рядов концепты также должны быть определенным образом организованы. По всей вероятности, основными принципами их упорядочения нужно признать **противопоставление** и **бинарность** [см. Белова 2001, 2002].

Концепты привлекли внимание ученых давно. В философии «концептом концептов» стало учение Платона об идеях, однако, в лингвистике их интенсивное изучение началось сравнительно недавно. В основном изучаются так называемые «духовные концепты» или духовные сущности: «Вера», «Любовь», «Душа», «Общество», «Семья», «Красота», «Правда», «Ложь», «Ненависть», «Зло», «Добро», «Обман», «Стыд» [см., например: Арутюнова 1997; Fuß 2001] и т.д. Эти концепты можно считать общечеловеческими. Они, безусловно, могут приобретать некоторые национально-культурные особенности и преломляться соответствующим образом в языках. Помимо этого существуют и национально-специфические концепты, известные также как **ключевые слова** (key words), т.е. слова, отражающие особенности национального менталитета. Примером таких национально-специфических концептов являются перечисленные выше концепты русской культуры. В британской культуре это такие концепты как *privacy, gentleman, home, island, anglocentrism, monarchy*... В американской культуре такими концептами можно считать *American Dream, money, individualism, melting pot, democracy*. Часть подобных концептов имеет статус **ценностей** (семья, демократия, лидерство, свобода и т.д.), и изучается аксиологией.

Кардинальные изменения в жизни этноса приводят к крушению концептуальных картин и сопровождаются изменением ценностей. «Самое главное, действительно эпохальное изменение в системе ценно-

стей, связанное с переходом к техногенной цивилизации заключается в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность и вообще *новое* [Степин 1992, 49]. В результате возник концепт новизны, активно используемый в современном политическом и рекламном дискурсе. Вполне возможно, что в ближайшее время в качестве ценностей современного общества, будут описаны явления, возникшие в последние десятилетия, а именно, *автономия личности, быстротечность, мобильность, разнообразие* [Степин 1992, 49; Тоффлер 1997, 198].

Ценности в силу их ограниченного набора изучены более полно по сравнению с другими концептами, однако и применительно к ним существует немало вопросов. Например, не совсем ясно различие между ценностями и фундаментальными категориями мировоззрения или универсалиями культуры. Считается, что мировоззренческие категории или ориентиры образует своего рода культурную матрицу. Можно согласиться с тем, что к ним относятся такие понятия как “природа”, “космос”, “человек”, “я”, “отношение”. Иными словами, они являются универсальными, т.е. общечеловеческими понятиями. Но вряд ли к их числу можно отнести концепты “Свобода” и “Справедливость” [см.: Степин, Кузнецова 1994, 4, 13], которые в различных культурах получают разное содержание.

Исходный список концептов, которые структурируют *познаваемый чувственно мир*, на сегодняшний день также не определен. В списке, по всей вероятности, должны быть такие концепты как «Вещь», «Место», «Событие», «Состояние», «Свойство», «Количество», «Пространство», «Время» и др. В различных культурах их языковая реализация может иметь свои особенности. Очевидно, в этом списке придется найти место концептам, выражаемым так называемыми эгоцентрическими словами *я, это, здесь, теперь*. Так, с диалектически взаимосвязанными концептами «Пространство» и «Время» связаны оппозиции «близко:: далеко», «этот :: тот», «прошлое:: настоящее:: будущее» [Белл 2001, 97]. Такие оппозиции являются универсальными. Помимо них существуют и национально-специфические, определяющие наполнение концептов в конкретном языке. В русском языке, например, значимыми темпоральными ориентирами являются слова *сейчас, вчера, завтра, позавчера, в воскресенье, на Новый год, на Пасху*. В английском более существенно слово *weekend*. Существуют различия и между темпоральными ориентирами в национальных вариантах французского языка [Юдина 2000, 94].

Нельзя сказать, что эти концепты ранее не изучались в философии и лингвистике. Ономаσιологическое направление в лексикологии, исследование понятийных категорий, изучение лексико-семантических и функционально-семантических полей, этимологический анализ лексики позволили накопить и обработать огромный и разнообразный языковой материал. По сути дела, поиск семантических примитивов, начатый А.Вежбицкой и превратившийся в целое направление исследований внутри лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, также является поиском концептов, только в данном случае не национально-специфических, а общечеловеческих, иными словами, тех, что обеспечивают понимание, тех, с помощью которых человек реализует свою способность к концептуализации мира. Как указывает А.Вежбицкая, такие слова как *вкус, запах, зрение, слух* должны быть истолкованы через слова *язык, глаза, уши, нос, соль, сахар*, хотя остается проблема толкования последних [Вежбицкая 2001; 259]. Новый этап исследований, вызванный бурным развитием когнитивной лингвистики показал, что, несмотря на ценные лингвистические наблюдения, необходимо более глубокое понимание процессов фрагментации и категоризации мира, концептуализации и структурирования знаний.

Если признать основными конститuentами концептуальных картин мира концепты, а основными конститuentами ЯКМ лексические способы выражения этих концептов, то остаются нерешенным, по крайней мере, еще один чрезвычайно важный вопрос – структурирование и характер знаний, которые ЯКМ отражают.

Современные ЯКМ являются многослойными и многомерными образованиями, содержащими разнообразные знания. Если использовать семиотический подход, то ЯКМ можно сравнить с интертекстом. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем. Поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Bartes цит. по Степанов 2001, 36].

Неоспоримым на сегодняшний день является тот факт, что в век техногенной цивилизации ЯКМ содержат кроме огромных массивов новых знаний, соответствующих научным представлениям о мире, фрагменты старых, так называемых наивных картин мира. Концепты, потерявшие свою актуальность, сошедшие с арены, «засели» в современных картинах мира подобно осколкам и продолжают влиять на поведение членов определенного этноса или социума в виде традиций, обычаев, обрядов, предрассудков, малообъяснимых табу. Наивные картины мира часто связывают с примитивными обществами. Однако слово «примитивные» применимо к описанию, скажем, туземцев лишь как синоним «дописьменный» [Бидни 1996, 26]. «Заведомо ложно представление о том, что в далекие времена – более тысячелетия назад – духовная жизнь людей была гораздо проще, примитивнее, чем в новейшую эпоху. Другое дело, что человеческое сознание – или, точнее, *самосознание* – еще не воплощало, не “опредмечивало себя в тех тщательно разработанных за века развития *формах* самосознания, в зрелом “языке” богословия, философии, науки, которым более или менее владеет сегодня каждый мало-мальски образованный человек [Кожин 2001, 317]. Примитивные картины мира были не менее оригинальными и самобытными по сравнению с современными [см.: Белова 2002, 22]. “Мне кажется, что до Рюрика жизнь была уже историческая.

Может быть, сложнейшая и лучшая, более счастливая и мудрая, чем как сейчас “на нашем селе”. Все-таки ведь замечательно, что слагались целые былины. Теперь народ не умеет, нет таланта и “продолжительности ума” сложить целую былинку, т.е. песенный рассказ про лицо Ильи Муромца, Добрыни, Святогора, Василия Буслаевича. Теперь – частушки. Что-то коротенькое и обрывающееся в начале же. Явно, ум был широкий, большой, спокойный [Розанов 1992, 243-274]. Явная «непримитивность» давних картин мира нашла отражение в литературных произведениях, которые превосходили по своей художественной ценности работы более поздних периодов. Отвергая возможность подделки «Слова о полку Игореве» в XVIII веке, А.С.Пушкин, писал: «Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта?» Они « не имели все вместе столько поэзии, сколько одной находится в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства. Кому бы пришлось в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя?» [см.:Кожин 2001, 166].

Концепты, лексикализуемые в языке, являются не единственным способом ментальной репрезентации. Сегодня понятно, что помимо однословных единиц в мозговом коде присутствуют целые фразы, выражающие этнические стереотипы поведения. И хотя корпус пословиц, поговорок, других единиц, отличающихся различной степенью идиоматичности в хорошо изученных языках достаточно детально описан, они начинают изучаться под иным, когнитивным и лингвокультурологическим углом зрения. Составляющие мозгового кода могут также иметь вид образов, быть картообразными. Многие проявления вербального поведения соответствуют уровню неосознанного. Глубинные мотивации могут соответствовать архетипическим или «супратипическим» смыслам [Донец 2002, 283]. Возможно одновременное вербальное и визуальное кодирование информации. Их соотношение оказывает влияние на возможное изменение вербальной информации под влиянием визуальной. Этнический стереотип поведения, также частично отражаемый в ЯКМ, состоит из элементов, которые не всегда имеют вербальное представление. Фактически только в последнее десятилетие лингвисты, специалисты по коммуникации осознали необходимость изучения невербальных составляющих общения на различных языках. Жесты, мимика могут изменять коммуникативную ситуацию, существенным образом ускоряя, упрощая или, наоборот, осложняя общение. В результате широких дискурсивных исследований произошло понимание того, что коммуникация является единством вербального, невербального и экстралингвистического.

Расхождение в наполнении концептов, наличие национально-специфических концептов приводит к появлению лакун. Осознание лакун приходит во время общения представителей различных этнических групп или различных культур. Взаимодействие этносов сводится, в конечном счете, к проблеме взаимопонимания в глобальном и микроскопическом масштабе [Гумилев 2001, 23]. В основе многих случаев непонимания как раз и лежат лакуны. Расхождения в мировидении, в этнических стереотипах поведения, в психологических типах достаточно велики и продолжают давать знать о себе, несмотря на их целенаправленное изучение и описание. Не случайно недавно появившаяся серия книг, рассчитанная на туристов, получила название “Эти странные французы”, “Эти странные голландцы”, “Эти странные немцы”, “Эти странные ирландцы” и т.д. Лакуны нельзя считать составляющими ЯКМ, поскольку они проявляются лишь при сопоставлении одной ЯКМ с другой. Нельзя отрицать и тот факт, что лакуны имеют непосредственное отношение к ЯКМ, подчеркивая их своеобразие.

Суммируя вышесказанное, следует сказать, что философы, культурологи, лингвисты постепенно продвигаются к созданию (отнюдь не к завершению создания) ЯКМ. Создание ЯКМ может стать реализацией идеи о языковом континууме, которая уже не первое десятилетие обсуждается на страницах лингвистических публикаций. Вне всякого сомнения, изучение ЯКМ не только потребует новых глубоких и масштабных исследований, но и откроет новые ракурсы исследования языков мира.

Литература

1. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида. Ж. О грамматологии.- М., 2000.
2. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже// Вопросы языкознания. - 1997.- №2.- С. 59-70.
3. Белл, Р. Человеческое познание. Его сфера и границы. - М., 2001.
4. Белова А.Д. Вербальне відображення концептосфери етносу: сучасний стан вивчення проблеми // Мовні і концептуальні картини світу- К.. 2001,- № 5.- С.15-22.
5. Белова А.Д. Мовні картини світу:принципи утворення та складові // Основи семантики слова, речення, тексту.- К., 2002. – С.21-25.
6. Бердяев Н. Судьба России. – М, 1918.
7. Бидни Д. Понятие ценности в современной антропологии// Культурология XX века. Антология. Аксиология, или философские исследования природы ценностей.- М., 1996.- С. 12-44.
8. Булгаков С.Н. Моей жене // Русская идея.- 1992.- С. 364-373.
9. Вежбицка, Анна Из книги «Семантические примитивы»// Семиотика. Антология. – М., 2001.- С. 242-270.
10. Гумилев Л. Этногенез и биосфера земли. –М., 2001..
11. Донец П.Н Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковые и неязыковые аспекты, вопросы этики и дидактики.- Харьков, 2001.
12. Деррида. Ж. О грамматологии.- М., 2000.
13. Ильин И.А. О грядущей России.- М., 1993.

14. Ильин И.А. О русской идее// Русская идея.- 1992.- С. 436-443.
15. Кабакчи В.В. Основы англоязычной коммуникации.- СПб. 1998.
16. Кожин В. История Руси и русского слова.- М., 2001.
17. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи.- СПб, 1999.
18. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения.- М., 1997.
19. Лотман Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема// Лотман Ю.М. Семиосфера.- СПб, 2000.- С. 622-638.
20. Мартин, Ральф Леди Рэндольф Черчилль.- М.,1998.
21. Михеев М. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики)// Фразеология в контексте культуры.- М., 1999.- С. 145-158.
22. Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год// Русская идея .- М., 1992.- С. 258-294.
23. Русская идея .- М., 1992.
24. Серов Ю.М., Портнов А.Н. Трансформация сознания и культуры как процесс intersubjectивных взаимодействий// Философия языка и семиотика.- Иваново, 1995.- С.93-102.
25. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология.- К., 2000.
26. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание.- М., 2001.
27. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики// Семиотика. Антология. – М., 2001.- С. 5-42.
28. Степанов Ю.С. Семиотика концептов// Семиотика. Антология. – М., 2001.- С. 603-612.
29. Степин В.С. Философская антропология и философия науки.- М., 1992.
30. Степин В.С. Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации.- М., 1994.
31. Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка// Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда.- Воронеж, 2000. Вып.2.- С.4-16.
32. Сухих С.А. Механизмы манипулятивной коммуникации// Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда.- Воронеж, 2000. Вып.2.- С.17-20.
33. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры// Фразеология в контексте культуры.- М., 1999.- С. 13-24.
34. Тильман Ю.Д . «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И.Тютчева // Фразеология в контексте культуры.- М., 1999.- С. 203-212.
35. Тоффлер А. Футурошок.-СПб, 1997.
36. Юдина Е.А. Лексический темпоральный ориентир как элемент языковой картины мира//Романо-германская филология. Межвузовск. Сб-к науч. трудов. –Саратов, 2000.- Вып.1.- С. 93-97.
37. Fuß, Martin SCHAM, scam-, IN DEN ALTHOCHDEUTSCHEN TEXTEN UND IM HELIAND//Науковий вісник Чернівецького університету.Германська філологія. Вип. 114.- 2001.- С.48-55.
38. Wierzbicka, Anna *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configuration.*- NY.-Oxford, 1992.